

ЦЕРКОВНЫЕ ИНТРИГАНЫ.

Историческія картины.

„Исторія не есть игра отвлеченностей, и люди въ ней значатъ больше, нежели ученія“.

Эрн. Ренанъ.

I.

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЫИ митрополитъ Макарій, кромѣ очереднаго тома русской-церковной исторіи, подарилъ литературу интересною статью, выпущенною нынѣ въ Москвѣ отдѣльною брошюрою ¹⁾. Вопросъ, котораго касается эта небольшая книжка, есть больное мѣсто нашей церкви—расколъ, вызванный исправленіемъ книгъ и обрядовъ, или, вѣрнѣе сказать, объявившійся по поводу исправленія книгъ и обрядовъ. Предметъ этотъ сколько любопытенъ, столько же исчерпанъ, кажется, до самаго дна,—такъ много сдѣлано для него литературою, особенно въ послѣднія двадцать лѣтъ; но однако новый трактатъ, вылившійся по этому же вопросу изъ-подъ пера нашего достоуважаемаго историка, исполненъ живаго интереса и бросаетъ новый лучъ свѣта на старое дѣло. Такой небольшой по объему, но острый и основательный томикъ дороже огромныхъ, увѣсистыхъ книгъ, наполненныхъ одною казуистическою церковныхъ споровъ, и вполне достоинъ вниманія всякаго любознательнаго человѣка.

Книга написана, очевидно, въ интересахъ церковныхъ, и если бы мы были призваны цѣнить въ ней то, что клонится къ выясненію

¹⁾ „Патріархъ Никонъ въ дѣлѣ исправленія церковныхъ книгъ и обрядовъ“ высокопреосвященнаго Макарія, митрополита московскаго. Москва. 1881 г. Типографія М. Н. Лаврова. 116 страницъ.

вопросовъ о клятвахъ и тому подобномъ, тогда намъ пришлось бы показать, какъ высокопреосвященный Макарій выводитъ, что церковную распрю ожесточилъ до крайности не Никонъ, а его безтактные наступцы, что клятвы собора 1667 г. положены на ослушниковъ, а не на старый обрядъ, и что „начало единовѣрія“, которое обыкновенно относятъ къ „Николаеву времени“, на самомъ дѣлѣ было положено еще Никономъ. Въ существѣ дѣла все это имѣетъ свой вѣсъ и даже очень большое значеніе въ церкви и въ церковной литературѣ, но читателей общенсторическаго изданія много интересовать не можетъ, а потому мы вправѣ считать себя непризванными заниматься этою стороною новаго сочиненія высокочтимаго митрополита московскаго. Намъ интересуется въ этой книгѣ нѣчто гораздо болѣе живое и любопытное, а притомъ, можетъ быть, и гораздо болѣе поясняющее исторію раскола,—это люди, при которыхъ разыгралась знаменитая „Никонова распря“. Высокопреосвященный Макарій дѣлаетъ такіа сообщенія, которыя рѣзсѣиваютъ во многомъ туманъ, окутывавшій историческія картины прошлаго, и превосходно выясняютъ личныя характеры людей, имѣвшихъ на ходъ исторіи несравненно большее вліяніе, чѣмъ казуистическіе споры, въ которыхъ наша церковная мудрость два вѣка доказываетъ свою правоту заблужденнымъ и до сихъ поръ еще не вполне искоренила ихъ заблужденія.

II.

Митрополитъ Макарій начинаетъ свой сказъ съ того, какъ умеръ въ Москвѣ престарѣлый патріархъ Іосифъ, который былъ вообще слабъ, а въ послѣдніе годы такъ опустился, что, опутанный московскими протопопами, смотрѣлъ только одно: какъ бы его не смѣнили съ патріаршества. Этому онъ очень боялся (Знаменскій, изд. 1870 года, стр. 297). Дѣлами управлялъ Никонъ, а самимъ патріархомъ свободно орудовали интриганы изъ бѣлаго московскаго духовенства: царскій духовникъ Вонифатьевъ и казанскій протопопъ Нероновъ,— „люди сильные при дворѣ“ до того, „что могли оказывать покровительство даже кандидатамъ на епископство“ (Знам., 294)¹⁾. Къ ихъ

¹⁾ Типъ этотъ не исчезъ и до сего дня, хотя нѣсколько видоизмѣнился при синодальныхъ порядкахъ. Таковыхъ протопоповъ острословы синодальной канцеляріи обыкновенно именуютъ крутопопами. Я имѣю въ своемъ распоряженіи копія записывающихъ писемъ, писанныхъ къ одному изъ такихъ крутопоповъ не только кандидатами, добивающимися епископства, но уже епископами, и всѣ они исполнены удивительнаго ласкательства и лести. Особенно драгоцѣнны въ этомъ родѣ письма викариихъ архіереевъ, описывающихъ свои злостраданія отъ епарховъ и даже отъ ихъ келейниковъ. Не дѣраясь безпокоить особѣ, кои сами имѣютъ власть епарховъ, викаріи открываютъ скорби и желанія сердець своихъ сильнымъ крутопопамъ и вѣро-отно обрѣтаютъ у нихъ утѣшеніе и поддержку. Свести эти письма съ рѣчами о не-

кружку примыкали другіе протопопы, какъ-то: плѣняющій нашихъ романистовъ Аввакумъ, Даниилъ и Логгинъ. Всѣ они до избранія Никона на патриаршество были съ нимъ въ дружествѣ и коротко знали его крутой и неподатливый нравъ. Поэтому, когда со смертію Іосифа общая молва стала называть вѣроятнымъ преемникомъ ему Никона, именитые крутопопы сейчасъ же сложили союзъ противъ его назначенія и повели энергическую интригу, въ которой не останавливались ни передъ какими гнусными приемами клеветы и предательства, составлявшихъ сильную родовую черту московскихъ политическихъ партій. Погубленіе Никона было рѣшено ранѣе, чѣмъ онъ успѣлъ сдѣлать что либо мнимо вредное. Никонъ еще не былъ патриархомъ и находился о ту пору въ Соловкахъ, куда ѣздилъ за мощами св. Филиппа, а „дома“, въ Москвѣ, интриганами ему уже было заготовлено организованное противодѣйствіе, которое нуждалось только въ предлогѣ. Свое пагубническое дѣло въ старомосковскомъ духѣ крутопопы начинаютъ съ молитвы, путемъ которой они заранѣе надѣялись войти въ блаженное собесѣдованіе съ Богомъ.

Лжедрузи отсутствующаго Никона сначала „постились и молились цѣлую недѣлю“, а потомъ подали челобитную, чтобы патриархомъ быть „царскому духовнику Вонифатьеву“, а когда эта ихъ челобитная не подѣйствовала и опасность возвышенія Никона стала еще очевиднѣе, они пустились каверзить, и „явились первыми виновниками раскола“

Итакъ, основная причина церковнаго немирства была въ немирственномъ настроеніи немирственныхъ людей московской соборной аристократіи, т. е. тѣхъ крутопоповъ, которые любили властвовать и потому не желали имѣть патриархомъ умнаго и сильнаго характеромъ человѣка. Поводъ же къ тому, чтобы уронить Никона, вначалѣ прискивался и былъ найденъ въ первомъ поступкѣ Никона, къ которому можно было придраться, чтобы перетолковать его въ дурную сторону и возбудить противъ него неразумную чернь и узкое благочестіе.

Пылкій Никонъ далъ такой поводъ извѣстною „памятью“, посланною по церквамъ, чтобы при великопостной молитвѣ Ефрема Сирина „не творити метанія въ колѣна, но въ поясъ (вмѣсто 17 земныхъ поклоновъ класть только 4 земныхъ, а 13 въ поясъ). Этого было довольно. Интрига тотчасъ же заработала, обнаруживая чрезвычайное знаніе тусклости религіознаго міросозерцанія своей страны, гдѣ, по мѣткому опредѣленію славянофильскаго поэта:

достоинствѣ, произносимыми при „нареченіи“, было бы очень интересно. Аскочскимъ было сочинено такое „смирненное слово отреченія“, въ коемъ „нареченный епископъ“ отирашивается отъ „непосильнаго яга своего ради недостойнства“. Оно извѣстно очень многимъ и вѣроятно будетъ прочитано въ его дневникѣ.

Н. Л.

„Недостатка нѣтъ въ полахъ,
Но вѣры не видать отъ вѣка,—
Гдѣ Богъ въ однихъ лишь образахъ,
Не въ убѣжденьяхъ человѣка“.

Немедленно пошли въ ходъ всевозможныя мелкія каверзы и придирки, съ пріосѣненіемъ себя крестнымъ знаменіемъ и съ широко-вѣщательными обращеніями къ ревности христіанъ, призываемыхъ защищать родную вѣру и благочестіе, изъ коихъ, какъ объ одномъ, такъ и о другомъ, имѣли самыя смутныя и во многомъ вовсе невѣрныя и прямо противорѣчащія христіанскому духу понятія. Но, хлопоча будто бы о чистотѣ и неприкосновенности вѣры въ Бога по откровенію того, кто „трости надломленной не преломилъ и льна курящагося не угасивъ“, эти ратаи вѣры каверзили весьма живописно и даже выработали себѣ для того особый языкъ. Извѣстный Аввакумъ, узкій, но неугомонный фанатикъ, съ которымъ современные намъ историческіе романисты носятся какъ съ „тихою лампадою“, заговорилъ, „яко зима хочетъ быти и у него сердце озябло и ноги задрожали“, а другой, протопопъ Нероновъ,—эта крапчатая лань табуна, шаракнувшася съ тѣмъ, чтобы перескочить ограду,—покинулъ храмъ и „скрылся въ палатку...“ Тамъ неугомонный интриганъ началъ молиться во все свое удовольствіе,—творя „метанія“ какъ ему хотѣлось, противъ никоновой „памяти“. Темные благочестивцы сейчасъ же были оповѣщены о такомъ востеченіи крутопона на подвигъ, а самъ подвижникъ взошелъ въ непосредственныя сношенія съ Богомъ. „Отъ образа ему гласъ бысть: время пріспѣ страданію, — подобаетъ вамъ неослабно пострадати“.

Это, разумѣется, немедленно разнеслось по всей благочестивой Москвѣ и производило свое полезное для интригановъ дѣло—сбивало имъ партію. Но они не дремали и съ такою же смѣлостію и энергіею дѣйствовали и въ другомъ направленіи,—по верху, какъ и по низу: они составили „выписки“ о видѣніи Неронова и о переговорахъ его съ образомъ и послали тѣ выписки государю, но тутъ случилось чего они не ожидали. Алексѣй Михайловичъ ихъ выписки „скрылъ,—мнитсѣ, Никону отдалъ“. Типайшій царь, можетъ быть, затруднялся—какъ ему отнестись къ сказываемому церковному чуду, которое стало помимо старшаго лица въ церковной іерархіи...

Тогда недоросшіе чиномъ интриганы обращаются къ другому, давно испытанному, домашнему средству, коимъ можно орудовать во всякомъ призваніи: они представляютъ Никона непочтительнымъ къ государю и опаснымъ для его царственной власти. Ябедствуютъ они опять съ своимъ букетомъ. Они доводятъ, будто Никонъ сказалъ:

— „Мнѣ царская помощь не нужна и не годна,—я на нее плюю и сморкаю“.

Врали они все отъ начала до конца, или только нѣчто „подправили“ въ этой дерзкой и глупой фразѣ, имѣющей какъ будто нем-

ножко наивно-каверзный и безстыжій пошибъ Аввакума, но про всякій случай они запаслись свидѣтелемъ высшаго освященнаго сана. Они сослались въ этомъ на митрополита Іону, который будто бы „хульные слова“ Никона слышалъ, но митрополитъ вышелъ плохимъ соучастникомъ,—онъ одинъ разъ сказалъ: „было-де такъ“, т. е. будто Никонъ говорилъ, что онъ „на царскую помощь шлеть и сморкаетъ“, а Нероновъ его будто за это укорялъ и воздерживалъ, но потомъ, вѣроятно сообразивъ, что съ Никономъ нелегко тягаться, митрополитъ заперся и показалъ, что „Никонъ-де такихъ словъ не говорилъ“. Дѣло получило характеръ оговора и клеветы.

Гнѣвливыи Никонъ, обнаруживъ противъ себя такіе низкіе и явно на пагубу его рассчитанные подходы, разсвирѣпѣлъ и сталъ расправляться съ интриганами сурово, въ духѣ своего времени. Нероновъ полетѣлъ на Кубенское озеро, а Аввакумъ—въ Даурію. Оба они при этомъ „сподобились пріять вѣнцы страданія“, которыя добыли довольноными муками, особенно Аввакумъ: „той-бо и срачицу съ тѣлеси снявъ, въ алтарь ее черезъ двери покину“¹⁾). Придворный духовникъ, уклончивый Вонифатьевъ, уцѣлѣлъ, но когда черезъ него искали защиты у государя его бывшіе друзья Аввакумъ и Нероновъ, то придворный поступилъ по-придворному: онъ „всяко ослабѣлъ и челобитій ихъ государю не снесъ“. Вонифатьевъ—это въ своемъ родѣ особа того типа, представитель коего нынче часто именуется въ шутку „рора mitratus“,—но нынче отъ нихъ ничего серьезнаго не ждутъ и на нихъ ни въ чемъ не полагаются.

Вотъ нравы противниковъ Никона, какъ ихъ представляетъ въ этомъ любопытномъ очеркѣ митрополитъ Макарій. Очевидно, что сколь бы ни былъ жестокъ въ своихъ гнѣвныхъ увлеченіяхъ Никонъ—чего нашъ авторъ не отрицаетъ и даже не умаляетъ,—Никонъ все-таки несравненно честнѣе этихъ интригановъ и не оставляетъ мѣста для предпочтенія ихъ дѣятельности, исполненной коварства и вытекавшей изъ побужденій нечистыхъ и вопросовъ вѣры совершенно постороннихъ. Крутопопы всполошили церковь, оболгавъ передъ нею и человѣка, и Бога, который будто подговаривалъ ихъ бунтоваться за отмѣну „метаній“ и за намѣреніе пересмотрѣть перепорченныя книги... И все это только изъ того, чтобы имѣть предлогъ для начала открытой борьбы противъ Никона. Если бы Никонъ не затѣялъ пересмотра книгъ и не мѣшалъ интриганамъ метаться, какъ они прежде метались, то они, конечно, выискали бы другой предлогъ для открытія враждебнаго противъ него похода, потому что такой умный и въ то же время крутой и властный человѣкъ, какъ

¹⁾ Одинъ современный романистъ написалъ, будто протопопъ снялъ также съ себя въ церкви и „портишки“ и перебросилъ ихъ въ алтарь черезъ царскія двери, но собственно этой красоты Аввакумъ не сдѣлалъ и ялишнее обнаженіе его срамоты надо отнести къ слишкомъ пылкой фантазіи романиста.

Никонъ, былъ совершенно неудобенъ для церковныхъ интригановъ, стремившихся къ чисто земнымъ цѣлямъ небесными путями ¹⁾.

Все дѣло шло не о томъ, чтобы отстоять мнимую старину, но о томъ, чтобы погубить Никона.

Митрополитъ Макарій, какъ рѣдкій знатокъ церковной литературы и всего, что касается обряда, ясно и убѣдительно доказываетъ, что Никонъ самъ былъ большой любитель настоящей старины и во всѣхъ своихъ „справкахъ“ толковѣе всѣхъ заботился возстановить дѣло въ подобающемъ древнемъ стилѣ и характерѣ. Но что особенно интересно для характеристики Никона и для оцѣнки его умнаго взгляда на дѣло,—это то, что Никонъ не считалъ непозволительнымъ и вреднымъ держать и тотъ обрядъ, за который выступали борцами и страдальцами Нероновъ, Аввакумъ и ихъ сотоварищи. Тутъ высокопреосвященный Макарій рисуетъ такую трогательную картину, которая даетъ настоящему художнику матеріалъ несравненно большій и величественный, чѣмъ пестрадинные „портишки“, спущенные романическимъ сочинителемъ съ раскольниковыхъ лядвй узкаго фанатика Аввакума.

III.

Клеветы на Никона съ удаленіемъ Неронова и другихъ не только не унимаются, но онѣ множатся, растутъ и ожесточаются въ своей дерзости. Запѣвалы усланы, но въ Москвѣ остались ихъ подголоски, и они распускаютъ слухъ, что Никонъ утопилъ епископа коломенскаго Павла, который просто сошелъ съ ума отъ Никоновой жестокости и пропалъ безъ вѣсти (полагаютъ—утонулъ). Съумасшествію никто не вѣритъ, и хотя приходили вѣсти, что Павелъ велъ себя нѣсколько странно, но это объясняли иначе. Епископъ не простой человекъ, онъ изъ другой глины слѣпленъ, ему нельзя сойти съ ума, а онъ Христа ради юродуетъ ²⁾. Это уже такое положеніе, исходящее, можетъ быть, изъ преувеличеннаго мнѣнія о подчиненіи природы

¹⁾ Міряне всему вторили; между ними находились такіе, которымъ нравилось, что въ „церквахъ людей учить стали, а прежь сего людей въ церкви никогда не учивали, учивали ихъ втайнѣ“. (Знам. 295). И достойно вниманія и удивленія, что такая нелѣпая, негжественная претензія не окончилась тѣмъ вѣкомъ, людьми котораго мы теперь занимаемся. Нѣтъ; прошло слишкомъ двѣсти лѣтъ—и въ наши дни, одновременно со многими заботами объ обращеніи Руси въ „глухую деревню“, одинъ свѣтскій писатель съ общезвѣстнымъ именемъ, два года тому назадъ объявилъ, что учительство нужно тайное, „старческое“, а въ церкви ненужно учительство. „Намъ проповѣди и ненужно, писалъ онъ.—У насъ священникъ выйдетъ передъ царскія врата,—скажетъ: „Господи, Владико живота моего“,—и все сдѣлано“... Все сдѣлано,—пора ко дворамъ, „въ глухую деревню“. Н. Д.

²⁾ И въ этомъ опять мы не далеко ушли отъ тогдашняго времени. Черезъ нѣсколько лѣтъ, вѣроятно, станетъ извѣстно, что годъ тому назадъ у насъ былъ подобный же несчастный случай съ святителемъ, котораго тщательно прятали, чтобы только не сказать, что онъ сошелъ съ ума,—какъ будто въ этомъ есть что-то унижающее православную вѣру.

силамъ благодати, сообщаемымъ при хиротоніи. Рядомъ съ этою клеветою за Павла, на Никона въ неистощимомъ изобиліи сказываютъ ложныя чудеса—видѣнія, и наипаче голоса отъ иконъ. Медиумическія способности произведеній благочестивыхъ изографовъ обнаруживались однообразно, но въ количествѣ чрезвычайномъ, хотя, впрочемъ, не вышавшемъ силы невѣжественнаго легковѣрія. Заговорили и иконостасныя „мѣстники“, и малые образки верхнихъ табловъ, и разное домашнее „Божіе милосердіе“, и во всѣхъ этихъ сношеніяхъ неба съ Москвою только и рѣчи было что про Никона, да про его беззаконія, противъ которыхъ добрые христіане призывались постоять и помужествовать до кровей за оскорбленную святость. Слышанія въ этомъ родѣ давались людямъ всякаго чина, какъ духовнаго, такъ и не духовнаго. Были откровенія которыя нисходили съ неба даже при посредствѣ какихъ-то „валужскихъ женокъ“. Въ народѣ рассказывали еще большія чудеса, и патріархъ напрасно писалъ указы, что бы „такovýmъ небылишнымъ вракамъ не вѣрили“. (Знаменскій, 300). Невѣжество всегда склонно вѣрить „небылишнымъ вракамъ“, а боговидцы и богослышатели, противъ коихъ шли эти указы, мстили Никону и слагали на патріарха самыя разнообразныя и самыя скандальныя и оскорбительныя небывальщины. Партія росла, ширилась и, наконецъ, приобрѣла людей, которые рѣшились обойти Никона иначе: они выручаютъ его врага Неронова изъ заточенія и постригаютъ его въ иночество надъ именемъ Григорія. Никонъ, понятно, люетъ и готовъ обуздывать своихъ недруговъ, но послѣднее, т. е. постриженіе Неронова, его особенно обидѣло, и тутъ въ немъ происходитъ большая внутренняя борьба, прелюбопытно передаваемая въ рассказѣ высокопреосвященнаго Макарія, дѣловитому перу котораго впрочемъ не дано той живой образности, какою владѣютъ Евг. Голубинскій, П. Знаменскій и Ф. Терновскій. Однако и въ сжатомъ до лѣтописной краткости повѣствованіи высокочтимаго митрополита московскаго Никонъ овладѣваетъ симпатіями умнаго и справедливаго читателя.

„Нероновъ, проживая на Кубенскомъ озерѣ, удобно пересылалъ свои письма въ Москву къ царю, царицѣ, царскому духовнику Вонифатьеву, и въ этихъ письмахъ постоянно хулилъ Никона, какъ врага Божія, и возставалъ противъ пачатаго имъ исправленія церковныхъ обрядовъ“. Никонъ ссылаетъ его далѣе, сажаетъ на цѣпь, лишаетъ чернилъ, но тотъ бѣжитъ и постригается въ иночество, непримиренный съ церковью. Значитъ, принимаетъ ея реформы, которыя и прежде считалъ нужными, пока не думалъ, что патріархомъ будетъ Никонъ. Соборъ предаетъ Неронова проклятію. Тутъ крапчатая лань поворачивается другимъ бокомъ и показываетъ иныя пѣжины. Нероновъ размышляетъ: „Кто я окаянный? Не хочу творити раздора“, и 4-го января 1657 г. онъ пришелъ на патріаршій дворъ, сталъ у крестовой палаты и поклонился Никону, когда онъ шелъ къ Божественной литургіи. Никонъ спросилъ: „Что ты за старецъ“?

— „Я тотъ, отвѣчалъ Григорій (Нероновъ), кого ты ищешь,—казанскій протопопъ Іоаннъ, во иночествѣ Григорій“.

Никонъ пошелъ въ церковь, и Григорій, идя передъ нимъ, говорилъ:

— „Что ты одинъ ни затѣваешь, то дѣло не крѣпко; по тебѣ будетъ иной патріархъ—все твое дѣло передѣлывать станетъ: иная тогда тебѣ честь будетъ, святой владыко“.

Гнѣвливыи патріархъ, котораго любятъ представлять безсердечнымъ и бездушнымъ звѣремъ, терпѣливо сноситъ это отъ „проклятого“, котораго ему ничего не стоило бы немедленно велѣть убратъ; но онъ однако ничего подобнаго не дѣлаетъ.

„Никонъ вошелъ въ соборную церковь, а Григорій остановился на порогѣ церковномъ. По окончаніи литургіи, патріархъ велѣлъ Григорію идти за собою въ Крестовую. Здѣсь Григорій началъ говорить:

— „Ты, святитель, приказалъ искать меня по всему государству и многихъ изъ-за меня обложилъ муками... Вотъ я предъ тобою: что хочешь со мною дѣлать? Вселенскимъ патріархамъ я не противлюсь, а не покорялся тебѣ единому“, и далѣе въ этомъ же родѣ.

Никонъ ничего не отвѣчалъ, но молчалъ. Григорій продолжалъ:

— „Какая тебѣ честь, владыко святой, что всякому ты страшенъ и про тебя, грозя другъ другу, говорятъ: знаете ли, кто онъ,—звѣрь ли лютый, левъ, или медвѣдь, или волкъ? Дивлюся,—государевой-царевой власти уже не слыхать, а отъ тебя всѣмъ страхъ и твои посланники страшны всѣмъ болѣе царевыхъ“.

Чего бы, кажется, опять надо было ожидать послѣ такихъ обличеній отъ Никона, если бы онъ былъ только таковъ, какъ его представляли давніе раскольники и нѣкоторые новѣйшіе писатели, переписывающіе въ свои произведенія житіе Аввакума и „Сказаніе объ отцѣхъ и страдальцахъ соловецкихъ“.

Конечно, надо было ожидать совсѣмъ не того, о чемъ сейчасъ услышимъ отъ нашего достовѣрнаго и безпристрастнаго автора.

IV.

Выслушавъ смѣлую рѣчь Григорія Неронова въ обличеніе жестости, Никонъ отвѣчалъ: „не могу, батюшка, терпѣть“. И затѣмъ, подавая Григорію челобитныя, которыя поданы были царю протопопами Аввакумомъ и Даниломъ съ братією, сказалъ: „возми, старецъ Григорій, и прочти“.

Кажется—просто и душевно, какъ нельзя болѣе. Слово Никона, очевидно, шло прямо отъ сердца и должно бы, кажется, прямо дойти къ другому сердцу. Почти невозможно думать иначе; какъ, въ самомъ дѣлѣ,—патріархъ, человекъ властный и могущественный, такъ покорно винится подначальному въ своей нетерпячей слабости; такъ

простоудинно говорить: „не могу стерпѣть, батюшка“, и неужели же тотъ останется глухъ къ такому покаянiю? Но, однако, это такъ именно и вышло: „батюшку“ патриаршее раскаянiе не трогаетъ, его сердце не отеливается на миръ—ибо ему дорого не примиренiе, а продолженiе урекательствъ и споровъ, и онъ ихъ продолжаетъ.

Взявъ изъ рукъ Никона челобитныя своихъ друзей, Нероновъ „продолжалъ“ перечислять ему другiя его вины, заключавшiяся въ томъ, что онъ измѣнилъ свои мнѣнiя о нѣкоторыхъ лицахъ и приблизилъ къ себѣ людей, которыхъ прежде осуждалъ. Неронову, видимо, совсѣмъ непонятно, что мнѣнiя можно перемѣнять неосужденно, если къ тому есть основанiя, и онъ какъ будто не знаетъ, что, любя дѣло, можно ради его пользы сносить участiе способныхъ людей, хотя бы они были людьми несовсѣмъ прiятными. Но этого мало,—отецъ протопопъ обращается еще къ упорной и самой гадкой клеветѣ, для которой нѣмы всякiя разувѣренiя и резоны. Онъ коритъ Никона за Арсенiя Грека, котораго патриархъ взялъ къ справкѣ книгъ, между тѣмъ какъ Неронову хочется считать этого ученаго монаха еретикомъ и даже басурманомъ. Протопопъ отлично знаетъ, что Арсенiй былъ на искусѣ и на исправленiи въ Соловкахъ и тамъ „добре исправленъ“ самымъ педантическимъ образомъ, но Нероновъ все-таки досадительно тычетъ этимъ въ глаза патриарху. Такая наглость производится, конечно, съ тѣмъ, чтобы вывести гнѣвнаго патриарха изъ терпѣнiя, но Никонъ его обманываетъ: сильный въ гнѣвѣ, онъ превозмогаетъ себя въ минуту добрую. Отселѣ мы его видимъ въ настроенiи, которое по истинѣ надо назвать умиленнымъ и прекраснымъ.

„Никонъ отвѣчалъ:—лгутъ на него, старецъ Григорiй, то на него солгалъ по ненависти троицкiй старецъ Арсенiй Сухановъ, что въ Троицкомъ монастырѣ келарь“.

Но старецъ Григорiй не умиляется смиренiю патриарха, а шпилитъ его еще долѣе доводками отъ писанiя, которыя, выходя изъ лицемѣрныхъ устъ, напоминаютъ о превращенiи семидала въ кровь свиную.

— „Добро было бы тебѣ, говоритъ Григорiй,—подражать кроткому нашему учителю Спасу Христу, а не мученiемъ санъ держать. Смирень сердцемъ Христось, а ты очень сердитъ“.

Никонъ отвѣчаетъ: „прости, старецъ Григорiй,—не могу терпѣть“.

Но Григорiй еще все-таки „бесѣдуетъ въ этомъ же родѣ“ и потому попросилъ „указать ему мѣсто для жительства“.

Патриархъ сейчасъ же шлетъ на Троицкое подворье боярскаго сына, чтобы для Григорiя очистили келью. Онъ заботливо устраиваетъ своего бывшаго врага, — несмотря на его немирныя гримасы, — устраиваетъ какъ искренняго и милаго друга—„чтобы онъ ни въ чемъ не нуждался“. Мало этого, онъ даритъ его такимъ даромъ, какимъ рѣже всего дарили въ недовѣрчивой и подозрительной Москвѣ

людей даже ничѣмъ не проступившихся, а не только завѣдомыхъ клеветниковъ и интригановъ,—патріархъ Никонъ приказываетъ, „чтобы за нимъ (за Нероновымъ) не наблюдали, куда онъ будетъ ходить и кто къ нему будетъ приходиться“.

Радъ возвращенію Неронова и государь,—онъ торопитъ патріарха окончить съ разрѣшительными молитвами возвратившемуся. Все вокругъ протопопа такъ дружелюбно и привѣтно, что нельзя бы, кажется, не отмякнуть, но интриганъ только больше ярится отъ ласокъ.

Описание разрѣшительнаго обряда преинтересно:

„Въ слѣдующее воскресенье за литургіею Никонъ приказалъ ключарю ввести старца Григорія по заамвонной молитвѣ въ соборную церковь и спросилъ:

— „Старецъ Григорій, приобщаешься ли святѣй, соборной и апостольской церкви?“

— „Не знаю, что ты говоришь, отвѣчалъ Григорій,—я никогда не былъ отлученъ... Ты положилъ на меня клятву своею дерзостію, по своей страсти гнѣваясь на меня, какъ проклиалъ и черниговскаго протопопа, и скуфью съ него снялъ“.

Нероновъ, какъ видимъ,—и тутъ все сварится и вспоминаетъ старое и за себя, и за другихъ. Тутъ весь его мелочной, дразливый и въ эту минуту, прямо сказать,—гадостный характеръ, ни на мгновение не возвышающійся до великодушія надъ смягченнымъ и кающимся врагомъ. Столь же ясно и его сердце сухое и не внемлющее. Словомъ, это не только не христіанинъ, хотя онъ и бойко приводитъ тексты отъ писанія, но это и не человѣкъ, а честолюбецъ, интриганъ, и только въ наилучшемъ своемъ проявленіи какой-то злой вѣршникъ, котораго ничѣмъ не смаслишь, доколѣ онъ не сломаетъ врага въ конецъ и не увидитъ его въ прахѣ.

V.

Теперь сравните съ этимъ „страдальцемъ“ близстоящую возлѣ него фигуру угнетателя его—Никона.

Пока старецъ Григорій вмѣсто короткаго форменнаго отвѣта говоритъ патріарху при всемъ клирѣ обидныя укоризны, „Никонъ, ничего не отвѣчая, горько плакалъ и началъ читать разрѣшительныя молитвы“.

Какіе бы ни были на Никонѣ грѣхи, но мы опять видимъ передъ собою характеръ живой и сердце, доступное добрымъ чувствамъ и впечатлѣніямъ. Онъ „горько плакалъ“,—значитъ, это было глубоко, искренно и то, что съ нимъ творилось, шло не на одну минуту, а въ долготу дней. Это была святая внутренняя борьба, гдѣ грѣшникъ самъ становился не на своей сторонѣ, а на сторонѣ обидимыхъ. Въ душѣ и въ сердцѣ патріарха поднималось и влокотало все, для того

чтобы переплавиться на огнѣ плавильномъ и выйти инымъ. Удалось это ему или неудалось, но во всякомъ случаѣ—это моментъ чрезвычайно высокій и поразительный, — моментъ, остановясь на которомъ истинный поэтъ и художникъ могутъ создать произведеніе вдохновенное и вдохновляющее. Показать, на сколько кипучая и страстная натура Никона крупнѣе его враговъ—есть въ то же время прекрасная задача для всякаго писателя, уважающаго истину и способнаго различать между симпатіями, которыя въ насъ возбуждаютъ раскольники, какъ люди, обдѣленные правами свободы исповѣданія, и тѣми чувствами, какія способны вызывать въ душѣ идеалы раскола, имѣющіе чрезвычайно мало общаго съ идеаломъ сознательнаго христіанства.

Изучайте „мужей древняго благочестія“ терпѣливо со стороны ихъ правилъ и характеровъ—и вы поймете, что здѣсь о многомъ стоить жалѣть, но не о томъ, что церковь не застыла въ ихъ духѣ.

Старецъ Григорій тоже плакалъ, но онъ „плакалъ, пока читались надъ нимъ разрѣшительныя молитвы“.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что высокопреосвященный Макарій, мало заботящійся о художественной отдѣлкѣ своихъ произведеній, но всегда выражающійся точно и употребляющій слова въ самомъ ихъ надлежащемъ смыслѣ, поставилъ здѣсь слово „пока“ не случайно. Григорій „плакалъ, пока читались надъ нимъ разрѣшительныя молитвы, и причастился св. даровъ изъ рукъ Никона“, но сердце его и тутъ не смирилось: духъ Христовъ не снизошелъ къ нему вмѣстѣ съ принятыми имъ „тѣломъ и кровью“. Старецъ не пустилъ Христа къ себѣ въ душу, не уготовилъ для него въ своемъ сердцѣ горницу убранную и постланную, а оставилъ тамъ прежній мусоръ и прежняго темнолицаго жильца, съ которымъ Христу нѣтъ общенія...

Никонъ въ тотъ же день „устроилъ у себя за радость мира трапезу, за которою посадилъ Григорія выше всѣхъ московскихъ протоповъ, а послѣ трапезы одарилъ Григорія и отпустилъ съ миромъ“.

Но, можетъ быть, Нероновъ былъ такъ суровъ потому, что онъ носилъ не свои однѣ обиды въ сердцѣ, а помнилъ обиды, которыя Никонъ сдѣлалъ друзьямъ его, Неронова, до сихъ поръ страдающимъ въ заточеніяхъ?

Это, разумѣется, могло быть нѣкоторымъ извиненіемъ. Какая радость возможна при страданіи нашихъ друзей?.. Но, къ сожалѣнію, дѣло было не такъ: Неронову и на этотъ счетъ было все сдѣлано.

Григорій, „посѣщая Никона“, попросилъ освободить „страдающихъ ради его“, между коими были люди грубо и тяжело оскорблявшіе патріарха, и... Никонъ „тотчасъ послалъ грамоты, чтобы освободили всѣхъ ихъ, а Григорію отдалъ всѣ письма, какія тотъ писалъ на него, Никона, царю, къ протопопу Стефану и къ прочимъ духовнымъ братіямъ“.

Честивѣ и рѣшительнѣе мириться, кажется, уже невозможно, но патриархъ, дѣлая такимъ образомъ еще одинъ шагъ далѣе того, чего просить Нероновъ, и на этомъ не останавливается, — онъ еще обнаруживаетъ прелестную деликатность. Наединѣ, у себя въ домѣ, возвращая Григорію писанныя имъ пасквили, Никонъ ему ничего не вспоминаетъ и не выговариваетъ, — даже не ставитъ на видъ, что „вотъ-де какъ я тебѣ вѣрю“, а просто говоритъ:

— „Возми, старецъ Григорій, твои письма“.

И ни слова болѣе!.. Ни о чемъ прошломъ, — ни о какомъ старомъ душевномъ мозолѣ ни малѣйшаго помина...

Сравните съ этимъ поступкомъ попреки старца Григорія во время чтенія ему патриархомъ разрѣшительныхъ молитвъ въ соборѣ и вы еще разъ будете имѣть передъ собою оба эти характера въ превосходномъ и ясномъ конкретѣ.

VI.

Представивъ сейчасъ изложенную сцену возвращенія Неронову его оскорбительныхъ писемъ, митрополитъ Макарій справедливо замѣчаетъ: „Никонъ очевидно желалъ искренно примириться съ Григоріемъ“. Но замѣчаніе это, кажется, могло бы быть выражено даже гораздо сильнѣе, и это непременно обошлось бы безъ всякаго ущерба исторической истинѣ. Напротивъ, усиленіе послужило бы къ болѣе яркому освѣщенію картины, соответствующему ея тону. Патриархъ не только „желалъ искренно примириться съ Григоріемъ“, но онъ, очевидно, совершенно примирился съ нимъ съ образцовой христіанскою искренностью, которой, къ сожалѣнію, черствая натура самолюбиваго протопопа не была способна ни почувствовать, ни понять, ни оцѣнить.

Это умиленное раскаяніе гнѣвливаго и пылкаго, но вполне доступнаго высокимъ побужденіямъ сердца Никона было „бисеромъ“, брошеннымъ подъ ноги, способнымъ попать что угодно...

„Григорій отвѣчалъ не такъ“ патриарху: онъ свою мстительность и злобу не уставалъ проявлять противъ Никона не только послѣ того, когда личное неудовольствіе его на патриарха было уже достаточно искуплено симъ послѣднимъ, но даже когда Неронову разъяснилось, что и обще-церковной-то причины къ упрекамъ Никону за гонительство на попорченныя книги и поврежденные обряды не существуетъ.

Слѣдующее мѣсто важно какъ для историка, такъ и для церковнаго казуиста:

„Однажды Нероновъ сказалъ Никону: „иностранныя (греческія) власти нашихъ служебниковъ не хулятъ, но похваляютъ“.

„И Никонъ отвѣчалъ: обои-де добры, — все равно, по коимъ хочешь, по тѣмъ и служишь“.

— „Я старыхъ добрыхъ и держусь“, сказалъ Григорій.

„Никонъ его благословилъ...

„Вотъ когда началось единовѣріе въ русской церкви!“ говоритъ высокопреосвященный Макарій, и конечно это вполне справедливо, но мы не будемъ вдаваться въ то, что можетъ быть сказано противъ такого замѣчанія неумными казуистами раскола, буквенный геній которыхъ ищетъ распри, а не истины. Возвратимся скорѣе опять къ лицамъ и картинамъ нравовъ, которые болѣе говорятъ уму и сердцу.

VII.

Успокоенный Никономъ въ томъ, что составляло предметъ церковныхъ пререканій, и получивъ патриаршее благословеніе „служить по коимъ хочешь книгамъ“, — Нероновъ, — будь онъ человекъ мирный и искренній, и желай онъ церкви спокойствія, а не отместки Никону, — конечно, долженъ бы объявить своей „братіи“, что дѣло разъяснилось и спорить больше не о чемъ; — что обряды и книги „обои-де добры“ и что патриархъ въ его лицѣ даже благословилъ служить „все равно, по коимъ кто хочетъ“.

Разумѣется, только такъ, а не иначе, долженъ бы поступить всякій человекъ доброй совѣсти, а тѣмъ паче христіанинъ и пастырь, обязанный дорожить спокойствіемъ церкви. Здѣсь самое присловіе, что „сказанное слово — серебро, а не сказанное — золото“, являлось несостоятельнымъ, ибо слово мира, способствующее водворить нарушенное спокойствіе, непременно должно не замереть въ сомкнутыхъ устахъ, а идти въ міръ и принести плодъ свой. Умолчаніе въ подобномъ случаѣ являлось преступленіемъ, которое и совершилъ чествуемый старовѣрами старецъ, и совершилъ его съ весьма отягчающими его вину обстоятельствами.

Нероновъ не сдѣлалъ того, что долженъ былъ сдѣлать для мира церковнаго, а послужилъ продленію недоумѣнной распри именно потому, что „онъ не хотѣлъ помириться съ Никономъ и злобствовалъ на него“.

Такъ это выводитъ и объясняетъ митрополитъ Макарій (стр. 108), да и по всему ходу дѣла видно, что это иначе даже не можетъ быть объясняемо. А съ этой вѣрной и твердо установленной митрополитомъ Макаріемъ точки зрѣнія враждовавшіе противъ Никона протопопы заслуживаютъ строгаго осужденія и сами выходятъ ничто иное, какъ безпокойные честолюбцы, для которыхъ ничто не было дороже возможности верховодить плохонькимъ патриархомъ. Но они еще противнѣе, какъ жесткіе люди, не умѣвшіе расплатиться за дружбу искренно раскаявшагося Никона ничѣмъ, кромѣ предательской неблагодарности, съ которою продолжалъ до самаго конца свою интригу представитель ихъ, старецъ Григорій Нероновъ.

Съ нею и съ нимъ мы сейчасъ окончимъ.

VIII.

Обласканный Никономъ, Нероновъ затаился и, служа по какимъ хотѣлъ книгамъ, ждалъ благопотребна часа, да возложить руки своя на плеча своего довѣрчиваго врага. Злобный старецъ не спускалъ съ Никона глазъ и, конечно, чутко прислушивался ко всему, въ чемъ слышались отраженія колебаній придворныхъ стихій. Въ монастыряхъ вообще такая чуткость чрезвычайно развита даже до сего дня, но въ то тревожное и неустроенное время, когда газетъ не было, тутъ существовала превосходно организованная линия передачъ, и притокъ самыхъ живыхъ и самыхъ секретныхъ новостей двора прямо стремился къ вратамъ св. обителей. Иногда этотъ притокъ былъ такъ силенъ, что бурлилъ и бился у ограды, ища какою бы щелью пролиться внутрь. Главнѣйшіе вѣстовые органы были надежны и располагались не длиною цѣпью: царь говорилъ съ царицею; отъ царицы слова царскія становились извѣстны царевнамъ; отъ царевенъ тѣмъ изъ пѣвчихъ, которые обладали свойствами, доставлявшими имъ болѣе или менѣе короткое расположеніе царевенъ или случайныхъ дворскихъ женщинъ. Положеніе пѣвчихъ при дворѣ было весьма удобное, а снось вѣстей во святыхъ обители доставлялъ этимъ кавалерамъ доходы. Это были персонажи самые любопытные, и надо удивляться, что ни одинъ изъ нашихъ многочисленныхъ нынѣ историческихъ романистовъ не обратитъ на нихъ надлежащаго вниманія. Придворный пѣвчій—это едвали не интереснѣйшій, и притомъ художественный и вполне законченный типъ, вполне отражавшій дворскіе нравы именно съ той стороны, которой избѣгаетъ историкъ, но романистъ можетъ ее касаться съ большимъ удобствомъ. Пѣвчихъ иронически называли „усладителями“ и нисколько ихъ не уважали, но услугами ихъ дорожили и пользовались охотно,—черезъ что роль „усладителей“ осложнялась, и помимо всякаго рода пріятствъ могла быть и очень выгодною.

Пѣвчіе, умѣвшіе снискать себѣ расположеніе сановитыхъ затворницъ терема, были гораздо въ высшемъ курсѣ, чѣмъ нынѣшніе наилучшіе оперные пѣвцы изъ итальянцевъ,—и это понятно, потому что роль итальянскихъ пѣвцовъ, по ихъ легкомысленной заносчивости и отчужденности отъ интересовъ внутренней политики нашего государства, гораздо проще, одностороннѣе и безъ сравненія ничтожнѣе, чѣмъ роль одареннаго пріятствами пѣвчаго до-петровской поры.

Приспособительность усладителей для того, сравнительно грубаго, вѣка достигала такой замѣчательной тонкости, что властелинъ иногда еще только собирался произнести какое нибудь значительное слово, а догадливая молва уже перекатывала его мысли подъ сводами монастырскихъ келій и вскорѣ начинались слышанія и видѣнія, отвѣчавшія въ тонъ замысламъ властелина. Тутъ простодушному взгляду

многое въ самомъ дѣлѣ легко могло казаться удивительнымъ и даже чудеснымъ. Такъ оно дѣйствительно и казалось. Въ этомъ иные видѣли „приготовленіе царскаго пути“ указаніемъ Всевышняго... Кошунство этой поры было такъ грубо и нагло, что его трудно себѣ представить при нашихъ нынѣшнихъ понятіяхъ, хотя послѣднія считаются самыми безвѣрными...

Въ такой атмосферѣ и болѣе или менѣе въ такой обстановкѣ жили и дѣйствовали и наши церковные интриганы временъ „тишайшаго царя“ Алексѣя Михайловича, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, если Нероновъ, сидя въ монастырѣ, зналъ все, что касалось повышенія или пониженія фондовъ Никона въ теремѣ. Обо всемъ извѣщаемый, онъ могъ хорошо соображать погоду, когда ему вновь поднимать парусъ на своей ладѣ и выплывать въ море суетствій, гдѣ видѣлись его завѣтныя цѣли.

IX.

Въ день великомученицы Татьяны, 12-го января слѣдующаго уже 1658 года, царь и патріархъ были у всенощной въ соборной церкви; тутъ же былъ и старецъ Григорій. Когда Никонъ пошелъ въ алтарь, чтобы облачаться, государь, сошедши съ своего мѣста, приблизился къ Григорію и сказалъ:

— „Не удаляйся отъ насъ, старецъ Григорій“.

Конечно, можно бы ожидать, что старецъ отвѣтитъ на эту просьбу лично о немъ самомъ, такъ какъ вопросъ только его и касался. Но это было не по его логикѣ.

Нероновъ, конечно, имѣлъ что нибудь на слуху о колебаніяхъ въ расположеніи государя къ Никону и дорожилъ этою секундою, а потому, вмѣсто почтительнаго отвѣта государю о неудаленіи своемъ, онъ проговорилъ въ слѣдъ уходившему въ алтарь патріарху:

— „Доволя, государь, тебѣ терпѣть такого врага Божія? Смутилъ всю землю русскую и твою царскую честь попралъ—и уже твоей царской власти не слышать: отъ него, врага, всѣмъ страхъ“.

„И государь, какъ бы устыдившись, скоро отошелъ отъ старца, ничего ему не сказавъ“.

Почтенный исторіографъ не поясняетъ, чего именно „устыдился“ Алексѣй Михайловичъ, и не дѣлаетъ указанія—откуда онъ взялъ это свѣдѣніе—(можетъ быть, изъ рукописей Шушерина). Между тѣмъ, для уясненія облика Алексѣя Михайловича не безразлично—„устыдился“ ли онъ ради того, что допустилъ Никону „попрать царскую власть“ и сдѣлать ее „неслышною“, или, какъ хотѣлось бы думать, онъ устыдился безстыдныхъ словъ старца, сказанныхъ такъ не въ-время и некстати,—въ храмѣ, предъ алтаремъ живаго Бога и при гробахъ святыхъ, которымъ въ эти самыя минуты предстоялъ и готовился служить тотъ, на кого ябедствовали уста старца.

Повторяемъ, хотѣлось бы думать, что государь „устыдился“ за низость Неронова и, кажется, такъ будетъ вѣрнѣе, ибо иначе трудно изъяснить тотъ порывъ, съ которымъ государь, „ничего не сказавъ, скоро отошелъ отъ Неронова“.

„Скоро“ здѣсь, очевидно, стоитъ въ смыслѣ спѣшно, т. е. сразу поворотился и отошелъ. Движеніе, которое должно быть понятно каждому мало-мальски нравственно чистоплотному человѣку, какимъ, безъ сомнѣнія, былъ Алексѣй Михайловичъ. Это движеніе—бѣжать отъ подлости, которая тѣмъ отвратительнѣе и непереносимѣе, чѣмъ возвышеннѣе принципы, которыми она себя прикрываетъ. Нероновъ же ябедствовалъ, будто бы, стоя только за вѣру и за авторитетъ царской власти.

Вволю насмотрѣвшись на то, какъ мало значили для этого церковнаго интригана интересы вѣры, которыми онъ только маскировалъ свою личную злобу и вымещалъ досаду неудачнаго честолюбія, мы сейчасъ увидимъ, какъ онъ любилъ и чтилъ своего государя. Нашъ досточтимый авторъ даетъ намъ возможность заглянуть въ другой заповѣдннй уголокъ души интригана, откуда тотъ вытаскивалъ на-показъ царю свою огнедышущую скорбь объ умаленіи его достоинства.

Х.

Алексѣю Михайловичу иногда сродны были движенія сентиментальности, напоминающія отчасти того сказочнаго властелина, о которомъ повѣствуетъ Гофманъ. Тому хотѣлось, чтобы всѣмъ въ его королевствѣ было пріятно и чтобы всѣ стремились неустаяно обнимать другъ друга. Это, если уместно взять примѣненіе изъ новѣйшей, художественной литературы, имѣетъ нѣчто „маниловское“. Но какъ въ королевствѣ сказочнаго властелина нашлись и разбойники, съ которыми мирнымъ людямъ якшаться было очень неудобно, то послѣдніе просили убрать разбойниковъ, а это добраго короля очень огорчало: онъ хотѣлъ, чтобы всѣмъ было хорошо, а они не слушались. Въ этомъ онъ видѣлъ сопротивленіе и никакъ не могъ разобраться: кто его вреднѣйшіе противники и какъ опять всѣхъ свести къ дружбѣ и взаимной любви. Въ сказкѣ это забавно, но въ дѣйствительности крайне неудобно и ведетъ не къ торжеству добродѣтели. А такъ именно и было въ русской дѣйствительности. Государь Алексѣй Михайловичъ любилъ и уважалъ Никона и предоставилъ ему почести дотолѣ неслыханныя,—что и давало врагамъ патріарха поводъ толковать объ „умаленіи царской власти“,—но онъ чувствовалъ расположеніе и къ Неронову, и къ Вонифатьеву, и даже къ Аввакуму и къ другимъ недругамъ патріарха, которыхъ нечего было и думать помирить съ Никономъ, такъ какъ у нихъ была одна забота—погубить его, или, по крайней мѣрѣ, лишить всякаго значенія и захватить его власть въ свои руки. Такихъ людей соединить невозможно, но царю Алексѣю Михайловичу

все неутолимо манулось соединить ихъ въ великое братское общеніе, которому умилялась бы его душа. Желанность и возможность осуществленія у него часто смѣшивались и обнаруживающаяся между ними дисгармонія его огорчала. Но зато, когда самъ Никонъ поступался въ своей суровости и поступался настолько, что первый шелъ навстрѣчу къ своему врагу и не только открывалъ ему объятія, но еще приговаривалъ: „прости, старецъ“,—тогда легко представить, какое это было для „тишайшаго царя“ удовольствіе!.. Онъ такъ долго самъ склонялъ Никона къ примиренію и торопилъ его поскорѣе возстановить Неронова въ союзъ съ церковью, но когда Никонъ, „за радость мира“, пошелъ даже дальше того, на что можно было надѣяться, то это уже сдѣлало Алексѣю Михайловичу настоящія именины сердца. Государь, утѣшенный радостью въ его самомъ излюбленномъ родѣ, несовладѣлъ съ собою и подошелъ къ Неронову въ церкви, конечно, съ сердцемъ, переполненнымъ восторгомъ миролюбія. Конечно, въ это время онъ былъ радъ реставраціи Неронова и благодарилъ Никона за дарованіе ему возможности теперь обоимъ ихъ обнимать въ его любящей душѣ. Этого нельзя было не понять и этимъ не тронуться. Слова Алексѣя Михайловича: „не удаляйся отъ насъ“ и сейчасъ еще волнуютъ и трогаютъ... Надо было имѣть дрянное сердце, чтобы на такія душевныя и такія теплыя слова отвѣчать чѣмъ нибудь, кромѣ готовности утѣшить государя въ его добромъ желаніи, и старецъ Григорій обнаружилъ именно такую дрянность. Съ несомнѣнною цѣлю досадить государю, котораго онъ будто бы любилъ и ревниво заботился о неограниченности его власти, кичливый старикъ начинаетъ ломаться.

„По окончаніи службы, Григорій сказалъ: Время мнѣ, владыко, въ пустынь отъйти“.

Это одно, что онъ сумѣлъ надумать, стоя на молитвѣ послѣ ласковой просьбы государя:

„И патріархъ отпустилъ его, давъ довольную милостыню“, которую старецъ, конечно, принялъ.

Въ пустыню Неронова, разумѣется, ничто не тянуло, да и жить тамъ онъ, какъ сейчасъ увидимъ, не хотѣлъ, но „время отъйти“ пришло именно потому, чтобы сдѣлать что нибудь на зло государю, и при этомъ, конечно, подвести подъ непріятное мнѣніе Никона, который отпускаетъ и награждаетъ Григорія, ничего рѣшительно о его шепотничествѣ царю не подозрѣвая.

Предполагать—не испугался ли Григорій того, что государь „ни, чего ему не отвѣтилъ и скоро отошелъ“, значило бы предполагать невозможное. Алексѣй Михайловичъ, по мѣткому опредѣленію Евг. Голубинскаго („Ист. Р. Церкви“ т. I. 703), рѣзче всѣхъ отличался отъ князей норманскаго рыцарственнаго типа тѣмъ, что ему „былъ присущъ только духъ смиренной молитвы и монашескихъ помысловъ“,—а потому смириться въ подобномъ положеніи было болѣе въ его вкусѣ, чѣмъ разгнѣваться.

XI.

Оказавъ грубость ласкъ своего государя, старецъ Григорій, „черезъ нѣсколько времени“, въ томъ же 1658 году, опять возвращается въ Москву, опять беретъ у Никона благословеніе и снова ходитъ къ нему каждый день въ Крестовую, но въ душѣ онъ все тотъ же стропотникъ. До Никона доводятъ вѣсть, что старецъ Григорій „сжегъ новый служебникъ“. Въ доносѣ заключалось преувеличеніе: на самомъ дѣлѣ старецъ только разсуждалъ съ Ртищевымъ, что „слѣдуетъ сжечь новый служебникъ“, но пока это разъяснилось, по обычаямъ времени и страны, были уже сдѣланы аресты. Григорій отправился къ патріарху, „бывшему за всенощной въ соборной церкви“, и какъ только дѣло объяснилось, Никонъ немедленно „приказалъ освободить всѣхъ взятыхъ и на другой день послалъ къ Григорію отъ себя столъ, довольно пици и питія, чтобы угостить невинно пострадавшихъ“.

Григорій могъ оразить только одно обвиненіе, что онъ не жегъ новаго служебника, но не отражалъ разговора о томъ, что его, „слѣдуетъ сжечь“. Это, конечно, совсѣмъ не то, что говорилъ Никонъ, — „обои добры“, и Никонъ, не поражая придирчивостью, могъ бы поставить Неронову на видъ такую разницу въ ихъ поведеніи, но онъ настойчиво предпочитаетъ быть великодушнымъ, — онъ просто выпускаетъ арестованныхъ и посылаетъ имъ „довольно пици и питія“.

Зато такъ же настойчиво продолжаетъ свое дѣло и Нероновъ, и притомъ все съ возрастающею наглостію. Онъ устраиваетъ патріарху открытый скандалъ въ церкви: „21 января 1658 года, за всенощной въ Успенскомъ соборѣ, Никонъ приказалъ троиць аллилуію, но Григорій сталъ тутъ же укорять Никона“ и ставитъ ему на видъ книгу Евфросина. А когда патріархъ назвалъ эту завѣдомо ложную книгу „ложною“, то Григорій „умолилъ успенскаго протопопа съ братією, чтобы аллилуіи не троици, и тѣ послушали старца, а патріархъ ничего имъ не замѣчалъ“.

Нероновъ не только самъ упротивничаетъ, но онъ подбиваетъ къ тому же противъ патріарха весь клиръ:

„Во всѣ дни старецъ приходилъ въ церковь и аллилуію говорили по-дважды, а патріархъ во всѣ дни посылалъ столы старцу и, отпуская его въ пустыню, далъ ему довольно милостыню“.

Такъ они простились въ послѣдній разъ: въ маѣ Нероновъ былъ въ своей пустынѣ, а 10 іюля Никонъ оставилъ патріаршую каедрю.

Теперь, когда мы видѣли эти характеры въ эпизодѣ интереснѣйшемъ и вырисовывающемъ ихъ обоихъ очень ярко, становится совершенно ясно, что не никоновы „пересмотры и справки“ были поводомъ къ церковной распрѣ, создавшей расколъ, а дрянное направленіе въ восхваляемомъ безусловными любителями старины духовенствѣ, которое не содержало духа Христова, и въ этомъ отчуж-

деніи отъ того, что есть въ христіанствѣ самаго главнаго и существеннаго, воспитывало немирные характеры, подобныя Неронову и его сподвижникамъ.

Такая постановка и освѣщеніе вопроса намъ кажутся вполне вѣрными и благотворными, ибо въ нихъ человекъ, незаглушившій въ себѣ способности любить и уважать истину, непременно долженъ понять, что расколъ есть дѣло церковныхъ интригановъ и честолюбцевъ, съ искательствами которыхъ не имѣетъ ничего общаго евангельская истина, отъ которой только міръ и вправѣ ждать „дней прохлады и свободы“. (Іоан. 832).

Отсюда понятно, какъ желательно и какъ достойно идей просвѣщеннаго вѣка, чтобы разсмотрѣнныя историческія изысканія митрополита Макарія послужили на пользу и тѣмъ представителямъ нашей литературы, которые, подчиняясь добрымъ сердечнымъ побужденіямъ, увлекаются въ своихъ сужденіяхъ о расколѣ. Конечно, вполне понятно, что литература соболѣзнуетъ страданіямъ людей, до сихъ поръ еще претерпѣвающихъ стѣсненія въ святѣйшемъ человѣческомъ чувствѣ—въ свободѣ религіозной совѣсти. Иначе это не можетъ быть и не будетъ, и въ этомъ отношеніи всѣ усилія литературы, много сдѣлавшей для того, чтобы расположить умы и сердце соотечественниковъ къ мягкости и уваженію религіозной свободы каждаго,—достойны самаго глубокаго почтенія и всяческой похвалы. Но настраивать умы такъ, чтобы людямъ представлялся идеалъ христіанской вѣры въ старовѣрїи,—это уже есть ошибка и вредное заблужденіе ¹⁾).

Всякое лучшее разумѣніе и въ томъ счету и лучшее религіозное понятіе—конечно находятся впереди, а не позади нашего времени, когда люди не могли „нести слышанныхъ ими глаголовъ любви Христовой, и творили себѣ боговъ отъ камня и древа“.—Къ лучшему богопознанію ведетъ духъ Христовъ, въ которомъ есть всеобъемлющая

¹⁾ Увлеченія въ этомъ родѣ шли такъ далеко и съ такимъ вредомъ для историческаго дѣла, что, напримѣръ, авторъ одного новѣйшаго историческаго романа изъ разсматриваемой нами эпохи,—человекъ несомнѣнно независимыхъ убѣжденій,—силы „портишки“ съ Аввакума, совсѣмъ въ нихъ запутался и проглядѣлъ не только то, на что указываетъ въ Никонѣ высокопреосвященный Макарій, но и то, что надо бы знать безъ его указаній. Въ этомъ обширномъ романѣ, напримѣръ, не получило художественнаго воспроизведенія живое и полное интереса соговарничество ученыхъ людей, группировавшихся въ „учительномъ Андреевскомъ монастырѣ“ у Федора Ртищева. Неужто люди этого „ученаго братства“, которые, „поучившись грамматикѣ становились ученѣе своего отца духовнаго и начинали небрежно отзываться о такихъ столпахъ, какъ Нероновъ и Ванифатьевъ“ (Знамен. 297), не представляли собою любопытныхъ типовъ и характеровъ, которые могутъ сильно интересовать читателя и пояснять событія, созданныя не ученіями, а людьми, дѣйствовавшими подъ вліяніемъ личной обиды, какъ Нероновъ (Зн. 299), или подъ бременемъ темнаго невежества, какъ масса, вѣровавшая не уму и добродѣтелямъ, а тѣмъ (Зн. 300), „кто гласи отъ образовъ слышалъ, кто испѣлялъ болѣзни, кто изгонялъ бѣсовъ“. Тутъ, конечно, были характеры и драматическія положенія, достойныя художественнаго творчества не менѣе, чѣмъ Аввакумъ и иже съ нимъ. Р.

любовь и освободительная истина, а онъ еще все раскрывается и уясняется. Буквенный же геній раскола далекъ отъ этого безмѣрно, и съ движеніемъ религіозныхъ идей въ духъ христіанской свободы онъ отстаетъ еще все далѣе и далѣе,—онъ окаменѣлъ въ своей неподвижности, онъ не можетъ шевельнуть своими крыльями не потому, что имъ мѣшаетъ „облакъ стѣсненія“, а потому что они отягчены солию хитросплетенныхъ словесъ.

Такая косность не можетъ быть предметомъ сочувствія христіанскаго чувства, а слѣдовательно и литературы, но она конечно должна быть предметомъ ихъ состраданія.

XII.

Въ книгѣ митрополита Макарія, кромѣ нами указаннаго и помимо многихъ другихъ очень любопытныхъ вещей, читатель найдетъ еще интересно изложенную исторію съ исправленіемъ Арсенія Грека, при чемъ московская типическая каверза и волокита являются во всемъ ихъ досадительномъ и возмутительномъ видѣ. Есть и другіе любопытные эпизоды, изъ коихъ, впрочемъ, въ изложеніи одного чувствуется значительная недомолвка, нѣсколько непонятная въ такомъ обстоятельномъ писателѣ, какъ высокопреосвященный Макарій. Для полноты и ясности нашего отчета отмѣтимъ это и попробуемъ недостающее къ сказанію восполнить.

На 17-й стр. высокопреосвященный Макарій упоминаетъ о константинопольскомъ патріархѣ Аѳанасіи, „одномъ изъ высшихъ святителей Востока“, который прибылъ въ Москву 16-го апрѣля 1653 года и оказалъ здѣсь поддержку Никону. Патріархъ Аѳанасій былъ человѣкъ очень замѣчательный, какъ по своимъ характернымъ качествамъ, такъ и по превратностямъ своей судьбы, и по особенностямъ его посмертнаго значенія. Онъ былъ, что называется, несчастливъ въ жизни; счастье его точно только дразнило и едва святитель его касался, какъ оно снова отъ него убѣгало, но въ концѣ концовъ шаткое его положеніе при жизни превосходно установилось послѣ его кончины.

Высокопреосвященный Макарій отмѣчаетъ, что Аѳанасій „три раза восходилъ на патріаршій престолъ, но оставался на немъ въ первый разъ только сорокъ дней, во второй около года, и въ третій разъ только пятнадцать дней“. Передъ пріѣздомъ къ намъ „онъ проживалъ въ волошской землѣ, гдѣ имѣлъ въ управленіи монастырь“,—очевидно, очень бѣдный, потому что, когда патріархъ пріѣхалъ въ Москву „съ многочисленною свитою“, у него не было съ собою даже порядочнаго облаченія. Все около него было лишено великолѣпія и его приняли не важно,—даже самъ государь Алексѣй Михайловичъ, которому „былъ присущъ только духъ смиренной молитвы и монашескихъ помысловъ“, отнесся къ святителю Аѳанасію немножко свысока,—

онъ „принялъ его не съ такою торжественностію, какъ іерусалимскаго патріарха“, имѣвшаго кафедру. Алексѣй Михайловичъ принялъ Аѳанасія „не въ царскомъ одѣяніи, не въ золотой палатѣ, и не на престолѣ, а въ обыкновенномъ платьѣ и въ столовой избѣ“.

Но Аѳанасій былъ въ такой захудалости, что этимъ приѣмомъ не обидѣлся и, предпочитая почести пользѣ, умѣлъ достигъ полезнаго, твердо вѣруя, что затѣмъ своею чредою придетъ и время почестей. Аѳанасій въ этомъ и не ошибся: онъ „билъ челомъ государю и поднесъ ему образъ, деревянный крестъ, мощи евангелиста Маттея, св. муро и сказалъ рѣчь. Царь позвалъ его къ рукѣ“, и съ сихъ поръ начинается ему „жалованье“, списокъ котораго довольно длиненъ, а способы полученія онаго не лишены интереса. Разсказъ высокопреосвященнаго Макарія, страдающій неполнотою въ отношеніи загробныхъ судебъ патріарха Аѳанасія, представляетъ довольно много, чтобы судить, какъ негорделивъ былъ Аѳанасій и сколько ему это принесло. Сначала Аѳанасію даютъ (1) серебряный кубокъ съ золоченою крышкою, (2) два сорока соболей и (3) денегъ сто рублей. Кромѣ того ему отпускаютъ на подворье (4) „яства и питіе“, разумѣется, со всею его „многочисленною свитою“. Получивъ, что можно было на первыхъ порахъ въ Москвѣ, Аѳанасій съ разрѣшенія государя „со всею свитою“ идетъ на поклоненіе въ Троицкую лавру и тамъ получаетъ (5) дары, въ подробности не перечисленные. Въ томъ же самомъ мѣсяцѣ онъ попадаетъ въ крестный ходъ, и тутъ, „лично указывая государю на свои обветшавшія святительскія одежды, просилъ пожаловать ему новыя, и государь приказалъ выдать ему (6) на омофоръ, саккосъ и митру двѣсти рублей“. Это было въ іюнь, а въ августѣ онъ опять выслужилъ себѣ (7) „кубокъ въ сорокъ двѣ гривенки, (8) сорокъ соболей и (9) восемнадцать рублей. Въ октябрѣ, собираясь домой, Аѳанасій „подалъ челобитную, чтобы государь пожаловалъ ему грамоту, по которой иноки его галацкаго монастыря могли бы приходиться въ Москву за милостынею ежегодно, пока онъ, Аѳанасій, живъ будетъ“, (10) и въ томъ же октябрѣ получилъ еще отъ царицы и царевенъ 1.200 р. соболями (11), а въ ноябрѣ ему всего этого показалось мало и онъ „выпросилъ у государя себѣ на панагію и для монастыря на иконы 50 руб. (12). Послѣ этого Аѳанасій съ свитою 13-го декабря пошли откланиваться государю и имъ это опять принесло 2.000 рублей (13); но прежде чѣмъ выѣхать, онъ подалъ царю еще одну грамоту, въ которой „благодарилъ его за милости и выражалъ передъ нимъ опять еще новыя нужды“.

Такое частое и неотступное попрошайство по-истинѣ могло показаться даже и для тогдашняго времени докучнымъ сверхъ мѣры, но Аѳанасій за то льстилъ и государю, и Никону. Высокопреосвященный Макарій приводитъ посланіе Аѳанасія изъ Малороссіи, гдѣ онъ задержался ради нарочитыхъ причинъ. Аѳанасій пишетъ Алексѣю Михайловичу, что его „царская премогающая милость какъ солнце сіяетъ во всю все-

ленную; ты, государь, нынѣ учинился всѣмъ православнымъ христіанамъ, а святѣйшій Никонъ глава церкви и исправленіе православныхъ христіанскія вѣры.. Только тебя, великій государь, мы имѣемъ столпъ и утвержденіе вѣры, а святѣйшему Никону освящать соборную апостольскую церковь Софіи премудрости Божіей (въ Константинополѣ)“.

Человѣкъ, говорившій такимъ языкомъ, какъ бы онъ ни казался надоѣдливъ,—долженъ былъ „найти у сердца уголокъ“, особенно у сердца такого государя, какъ Алексѣй Михайловичъ, которому хотѣлось быть столпомъ вѣры, и у такого іерарха, какъ Никонъ, которому призваніе святить византійскую Софію было очень заманчиво. А что призваніе освятить обезчещенную мусульманами византійскую св. Софію насъ, русскихъ, миновать не можетъ,—въ томъ въ тогдашнее время увѣренныхъ было болѣе, чѣмъ нынче. Болѣе — потому, что тогда вѣрили въ это и греки, которые теперь отъ такого чаянія отложились.

Но захудалый патріархъ всѣмъ, что мы рассказали, не ограничилъ свои просьбицы; онъ выпросилъ у Алексѣя Михайловича еще нѣчто такое, передъ чѣмъ пришлось бы остановиться, какъ передъ дѣйствіемъ крайне соблазнительнымъ съ православной точки зрѣнія, если бы посмертная судьба Аѳанасія, о которой ничего не сказано у митрополита Макарія, не сдѣлала такое сужденіе неумѣстнымъ.

XIII.

Прося у Алексѣя Михайловича дозволенія ежегодно присылать въ Москву монаховъ за милостынею, патріархъ Аѳанасій писалъ еще: „да вели, государь, мнѣ же, богомольцу твоему, напечатать на своемъ дворѣ 500 разрѣшительныхъ грамотъ, потому, что какъ я ѣхалъ къ тебѣ въ Москву черезъ войско запорожскихъ казаковъ, въ то, государь, время приходили ко мнѣ на исповѣдь многіе черкасы и по обычаю своему просили у меня разрѣшительныхъ грамотъ, и мнѣ не кого было послать въ Кіевъ для напечатанія ихъ (только за тѣмъ дѣло остановилось). А какъ я, богомолецъ твой, поѣду изъ Москвы назадъ, тѣ казаки опять учнутъ у меня разрѣшительныхъ грамотъ просить, а иные вновь на исповѣдь приходятъ будутъ. Царь-государь, смилуйся пожалуй“. Алексѣй Михайловичъ „пожаловалъ“: просьба Аѳанасія „была уважена“. Просьбу эту было бы мало назвать смутительной,—она, повидимому, просто невозможная и даже крайне оскорбительная для православія, въ которомъ и патріархъ Аѳанасій, и Никонъ, и самъ государь Алексѣй Михайловичъ, были не только знатоки, но и „столпы“.

Дѣло въ томъ, что эти „разрѣшительныя грамоты“ были ничто иное, какъ отпустительныя индульгенціи, которыя, по свидѣтельству

Крижанича, „патріархъ Аѳанасій продавалъ на Русь“, т. е. совершалъ дѣло, за которое мы строго порицаемъ римское духовенство: объ исповѣди патріархъ рассказывалъ государю напрасно,—при торговлѣ индульгенціями у него дѣло обходилось совсѣмъ безъ исповѣди. Стало быть, это ни въ какомъ случаѣ не былъ родъ свидѣтельствъ въ полученіи отпущенія грѣховъ посредствомъ таинства покаянія, а чисто-на-чисто индульгенціи, и притомъ индульгенціи, продаваемыя съ торга, а не за предложенную цѣну. Въ нихъ „разрѣшали ото всѣхъ грѣховъ, не упоминая ни слова объ исповѣди и покаяніи“. Но высокопреосвященный Макарій справедливо не желаетъ, чтобы патріархъ Аѳанасій считался единственнымъ продавцомъ отпущительныхъ индульгенцій, и замѣчаетъ, что „и другіе патріархи, приходившіе къ намъ съ Востока прежде и послѣ Аѳанасія, а по примѣру ихъ иногда и митрополиты греческіе, точно также раздавали отъ себя разрѣшительныя грамоты въ Малороссіи и Россіи людямъ всѣхъ званій, даже лицамъ царскаго семейства, и православные русскіе съ вѣрою и благодарностью пріобрѣтали себѣ такія грамоты. (Не даромъ, значить, Груберъ и другіе іезуиты считали нашихъ предковъ склонными къ католическому культу, несмотря на то, что они пренебрегали католичествомъ и ругались ему). Но нѣкоторые изъ стороннихъ этимъ соблазнялись“.

„Сторонними“, конечно, надо считать людей чужестранныхъ, какъ сербъ Крижаничъ, католическій священникъ, который въ свое время былъ трактуемъ въ Москвѣ чѣмъ-то—если можно такъ выразиться—въ родѣ церковнаго нигилиста. Онъ соблазнялся индульгенціями и сожалѣлъ „бѣдныхъ людей, которые берегутъ эти грамоты, какъ великое сокровище и завѣщаютъ класть съ собою во гробъ“.

Крижаничъ же оставилъ и чинокъ, который православные греки скампановали для передачи приносившихъ хорошій доходъ индульгенцій, чѣмъ опять несомнѣнно доказывается, что грамоткамъ этимъ придавалось значеніе благодатное. Крижаничъ пишетъ: „я видѣлъ одного митрополита, который всюду, бывало, куда ни придетъ къ знатному человѣку, прежде всего спроситъ его: не хочетъ ли онъ имѣть разрѣшеніе отъ грѣховъ? Тотъ выражаетъ желаніе и митрополитъ, освятивъ воду въ домѣ этого человѣка, кропитъ его самого и все его семейство; потомъ кладетъ руки и книгу на голову хозяина и читаетъ надъ нимъ длинное и подробнѣйшее отпущеніе грѣховъ, безъ всякой передъ тѣмъ исповѣди“...

Все это производилось, разумѣется, въ высшей степени чинно, благоговѣнно и серьезно, и было выгодно продавцамъ и пріятно покупателямъ индульгенцій, а потому критика такихъ вещей естественно должна была не нравиться всѣмъ и, конечно, много помогла привмѣненію всѣхъ винъ, собранныхъ на Крижанича, который за то и получилъ мзду свою въ снѣгахъ Сибири. Тотъ же продавецъ индульгенцій, судьба котораго насъ теперь достойно занимаетъ, т. е. патріархъ

Анастасій, не доведъ собранныхъ имъ съ большою доукою денегъ, соборей и прочаго въ свою волошскую землю, а скончался въ Малороссіи, гдѣ онъ нашель привѣтъ у гетмана Хмельницкаго и, сѣвъ въ Лубенскомъ монастырѣ, началъ помѣщать въ частныя руки полученныя имъ отъ царя Алексѣя Михайловича пятьсотъ бланковъ индульгенцій. Но едва ли всѣ эти бланки были имъ надписаны и распроданы, потому что святѣйшій Анастасій, спустя мѣсяць съ небольшимъ, 5-го апрѣля, въ Лубнахъ, скончался.

Высокопреосвященный Макарій дагѣ въ изображеніи судьбы этого человѣка не идетъ, а между тѣмъ исторія патріарха Анастасія смертью не окончилась, но тутъ-то именно получила новое и притомъ самое неожиданное направленіе.

XIV.

Патріархъ Анастасій опочилъ сидя и не былъ скороненъ, какъ принято хоронить всѣхъ обыкновенныхъ смертныхъ. О погребеніи его есть свѣдѣнія въ X-мъ томѣ актовъ южной Россіи. Вскорѣ же было замѣчено и удостовѣрено, что тѣло его, покоящееся въ сидячемъ положеніи, пребываетъ нетлѣнно, что, какъ извѣстно, составляетъ нѣкоторый признакъ святости. А вскорѣ затѣмъ явился и другой признакъ, свидѣтельствовавшій о томъ же: стали замѣчать, что сидящій покойникъ источаетъ чудеса, — особенно исцѣленія, за которыми въ Лубенскій-мчарскій монастырь начали стекаться вѣрующіе, принося свои посильныя вклады по усердію. Монастырь сталъ быстро поправляться явнымъ заступленіемъ угодника Божія, котораго иноки св. обители и окрестныя міряне стали называть святымъ, подъ именемъ „Анастасія сѣдящаго“, а съ 1663 года уже и память его празднуется, по благословенію митрополита кіевскаго (собственно чигиринскаго) Іосифа Тукальскаго. Сначала святость Анастасія сѣдящаго признавалась достовѣрнымъ и явленнымъ фактомъ въ одной Малороссіи, но съ теченіемъ времени—трудно указать, въ какіе именно годы,—сему поревновала и Великая Россія, и съ тѣхъ поръ уваженіе къ Анастасію сѣдящему утвердилось по всей Великороссіи, но описанія его житія съ описаніемъ его святости, за которую онъ удостоенъ нетлѣнія и дара чудесъ, очень долго не было. Вѣра благочестивыхъ поклонниковъ не нуждалась въ подробномъ изложеніи жизни новоявленнаго святого и почти два столѣтія обходилась съ одними устными разказами, которые слагались на основаніи данныхъ, намъ неизвѣстныхъ. Болѣе же всего къ мощамъ Анастасія влекло ихъ необычайное „сидячее“ положеніе, которое необыкновенно интересовало богомольцевъ, а для пропаганды дѣла употреблялись „образки“, на которыхъ изображалась нѣсколько странная фигура, похожая на человѣка, сидящаго въ коротенькомъ сундукѣ или ларцѣ (скрынкѣ). Это и былъ Анастасій сѣдящій. Образки

его продавали въ Кіевѣ, но впрочемъ не на всякомъ мѣстѣ владычества мѣстной епархіальной власти, а только на Подолѣ, подъ деревцами, окружавшими домъ кіево-лубенскаго инспекторства аптекарской части. Тутъ только можно было получать странный образецъ сидящихъ мощей, но однако превратность судьбы и тутъ не разставалась съ св. Аѳанасіемъ: инспекторство было упразднено и образковъ Аѳанасія не гдѣ стало продавать, а епархіальныя власти Кіева, гдѣ много своихъ мощей, о лубенскомъ угодникѣ, кажется, не сильно заботились. Но что упущено было властями духовными, то исправилъ „вѣрующій мірянинъ“. Такой титулъ, нынѣ присвоенный нѣсколькимъ лицамъ, — тогда былъ присвоенъ впервые одному Андрею Николаевичу Муравьеву, помимо котораго всѣ остальные міряне Россіи, во всемъ ихъ преизобильномъ числѣ, привмѣнились къ невѣрію. „Вѣрующій мірянинъ“ радѣлъ объ истинной вѣрѣ и, не будучи „призванъ“ къ управленію дѣлами церкви, „добровольцемъ“ исправилъ въ свою жизнь бездну упущеній въ „вѣдомствѣ православнаго исповѣданія“. Дѣйствуя „добровольцемъ“, или партизаномъ, онъ усвоилъ себѣ особенную партизанскую отвагу, которую обремененные его доукою бѣльцы и чернецы прозвали „Андреева непобѣдимая дерзость“. Эта „непобѣдимая дерзость“ давала Андрею Николаевичу возможность совершать тапу *interdidae* такія смѣлыя дѣла, за которыя кромѣ его никто не дерзалъ вѣзаться. Какъ неутомимый писатель, имѣвшій въ дарованіяхъ и умѣ много общаго съ кн. Владиміромъ Мещерскимъ, Муравьевъ постоянно писалъ о вѣрѣ, но при особыхъ событіяхъ усугублялъ рвеніе. Такъ, въ 1863 году, въ разгаръ „нечесанаго нигилизма“, Муравьевымъ было выпущено нѣсколько брошюръ, направленныхъ къ тому, чтобы остановить бурный потокъ невѣрія и спасти истинное народное благочестіе, и въ числѣ этихъ произведеній вдругъ появилось сочиненное имъ житіе св. Аѳанасія сѣдящаго, лубенскаго чудотворца. Оно должно было служить большому прославленію угодника и вообще поднятію религіознаго чувства въ народѣ, но нигилистическая партія этой попытки перваго „вѣрующаго мірянина“, кажется, вовсе не замѣтила, а духовная литература прошла его молчаніемъ, какъ будто не рѣшаясь закрѣпить за нимъ того значенія, какое придавалъ ему авторъ, или, можетъ быть, наши духовные писатели просто не смѣли критиковать сочиненіе чловѣка, обладавшаго „непобѣдимую дерзостію“. Такъ оно и прошло не оцѣненнымъ по достоинству и какъ-то столь невѣроятно быстро исчезло изъ обращенія, что въ Петербургѣ сочиненное Муравьевымъ житіе св. Аѳанасія, лубенскаго чудотворца, въ продажѣ давно не существуетъ и считается библиографическою рѣдкостью.

Высокопреосвященному Макарію, который въ своемъ историческомъ трудѣ коснулся нѣкоторыхъ подвиговъ преподобнаго Аѳанасія, кажется, слѣдовало бы упомянуть о прославленіи этого святителя, какъ святаго угодника Божія и чудотворца. Недостатокъ упоминанія объ этомъ грозитъ двойною опасностію, — во-первыхъ, наша литературная

критика, весьма мало знакомая съ произведеніями того рода, къ которому принадлежит житіе лубенскаго чудотворца, написанное Андреемъ Николаевичемъ Муравьевымъ, можетъ отнести къ лицу Аванасія критически и, пожалуй, станетъ указывать въ характерѣ святаго что либо мало совмѣстимое съ свойствами святости, — межъ тѣмъ какъ святость преподобнаго Аванасія уже признана церковью. И хотя это можетъ случиться безъ всякаго злого умысла и вовсе не по невѣрію, а единственно по недостатку свѣдѣній—однако это все-таки можетъ быть поставлено на счетъ дурному и вредному направленію свѣтской литературы, которой и въ самомъ дѣлѣ лучше не критиковать лицо, поставленное небомъ и непререкаемымъ церковнымъ сознаніемъ выше критики. А во-вторыхъ, когда критика пожелаетъ оправдать свою неосторожность, она должна будетъ объяснить причину, черезъ которую дозволила себѣ поступокъ, возбраняемый русскимъ благочестіемъ; то люди, дорожащіе сочиненіями Андрея Муравьева болѣе, чѣмъ сочиненіями высокопреосвященнаго Макарія, изрекутъ по старинѣ: „и то тебѣ, владыко, вина“.

Опасаясь такихъ нежеланныхъ послѣдствій, мы дѣлаемъ это замѣчаніе къ высоко нами цѣнимому историческому труду уважаемаго автора, съ твердою надеждою, что его это ни мало не обидитъ, такъ какъ онъ, конечно, знаетъ, что всякую исторію дѣлаютъ люди, а имъ, по справедливому замѣчанію Шера, всегда есть окота „завести исторію изъ-за исторіи“.

Несчастливая склонность эта не оставляетъ въ сторонѣ и нашу церковно-историческую науку, значеніе которой до сихъ поръ еще не оцѣнено по достоинству, между тѣмъ какъ у насъ ея значеніе сугубо важно. Исторія русская не только въ ея прошломъ крѣпко сдѣплена съ исторіею церкви, но она еще и теперь чувствуетъ вліяніе людей, стремящихся поставить всестороннюю жизнь государственнаго организма въ зависимость отъ церковныхъ взглядовъ. Если для какой нибудь Швейцаріи не составляетъ уже вопроса: возможно ли дружное единеніе въ государственномъ смыслѣ подданныхъ, придерживающихся разныхъ церковныхъ мнѣній, то у насъ этотъ вопросъ еще стоитъ нерѣшеннымъ, или даже рѣшеннымъ въ отрицательномъ смыслѣ. Въ этомъ, конечно, слѣдуетъ видѣть несомнѣнную особенность нашей современной жизни и вѣрнѣйшій признакъ нашей глубокой отсталости въ пониманіи интересовъ вѣры и пользы государственной. А потому, событія нашей церковной исторіи и особенно нравы и характеры людей, вліяющихъ на эти событія, достойны всего нашего вниманія. Тотъ, кто, желая знать исторію Россіи и понять причины нынѣшняго несчастнаго настроенія умовъ, надѣется достичь этого безъ внимательнаго изученія нашей церковной исторіи, — тотъ ничего ясно себѣ не уяснитъ и останется въ вѣчно досаждающемъ и раздражающемъ состояніи, вращаясь сѣмо и овамо. Этого, къ сожалѣнію, не избѣгаютъ даже люди той фракціи, которая по преимуществу присвоила себѣ наименованіе народной партіи. Разгла-

гольствуя о томъ, какъ судить будто бы народъ о „правовыхъ порядкахъ“, о коихъ народъ никакъ не судить, ибо никакихъ „правовыхъ порядковъ“ не понимаетъ, — народники не видятъ серьезныхъ явленій, гдѣ народъ дѣлаетъ исторію своего самосознанія, въ самыхъ важныхъ и существеннѣйшихъ вопросахъ, доступныхъ высшимъ сторонамъ его духа. Есть нѣчто необъяснимое и даже, можетъ быть, роковое, что люди этой партіи, присвоившіе себѣ исключительное право на изъясненіе народнаго міровозрѣнія, допускаютъ такую ложь, что влагаютъ въ уста простолюдина слово „господчина“, котораго никто близко къ народу стоящій отъ простолюдиновъ не слышалъ, а между тѣмъ не окинуть взоромъ интереснѣйшаго умственнаго движенія въ области вѣры, хотя бы, на примѣръ, за тотъ періодъ, когда предки нынѣшнихъ людей рѣшили почтить святость Афанасія сидящаго, а ихъ нынѣшніе потомки надѣются угождать Богу живучи по одному „завѣту евангельскому“. Если взять одинъ этотъ періодъ отъ патріарха Никона до пастора Николая Рибке, имя котораго нельзя будетъ вычеркнуть изъ новѣйшей церковной исторіи, какъ насадителя „штунды“, то картина возраста народнаго сознанія въ этой самой высшей сферѣ проявленія его духу будетъ громадна и поразительна. И она не выразитъ ни застоя, ни наклонности къ ингилизму, въ видахъ противодѣйствія которому писалъ житіе св. Афанасія „непобѣдимо дерзновенный“ Муравьевъ.

Въ состояніи полной косности и застоя окажутся только одни старовѣры, которые такъ нравятся нѣкоторымъ писателямъ. Старовѣры какъ въ 1663, такъ и въ 1882 году, не ходятъ въ Лубны приглядываться къ колѣнямъ „Афанасія сѣдящаго“ единственно по той причинѣ, что „онъ крестился тремя персты“. Въ дѣйстви гдѣ ни что другое ихъ не коснулось, и еще Богъ вѣсть сколько гдѣ не воснетъ.

Ошибочность большихъ симпатій расколу несомнѣнна и она станетъ очевидна для всякаго, кто захочетъ знать истину безъ предвзятыхъ мнѣній. А этому всего болѣе способствуетъ знакомство съ русской церковной исторіей, которая въ наше время стала излагаться живо, интересно и правдиво. Такое благотворное направленіе дано ей только въ наши дни, почитаемые временемъ упадка литературы и науки, и дано группою терпѣливыхъ и талантливыхъ писателей, во главѣ которыхъ будущій правдивый историкъ литературы, конечно, поставитъ высокопочтенное имя митрополита Макарія. Онъ не только началъ и продолжаетъ въ союзъ съ строгою правдою свой безцѣнный историческій трудъ, но онъ же вызвалъ, онъ создалъ себѣ даровитыхъ послѣдователей и даже, какъ извѣстно, оказывалъ прозорливѣйшему изъ нихъ существенную поддержку даже послѣ, обнаружившагося между ними разногласія. Это свойственно только истинному любителю просвѣщенія, ставящему интересы науки выше всякихъ соображеній ревниваго самолюбія, отличающаго посредственность.

Николай Лѣсковъ.